

черпнутых на месте происшествия и подлинных допросов / М. Н. Муравьев // Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно / Д. А. Кропотов. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и комп., 1874. – С. 504–519.

6. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева [и др.]. – Т. 1: 1831–1835 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 848 с.

7. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 1832. – Д. 2243.

(Дата подачи: 19.02.2019 г.)

И. И. Ковяко

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, Минск

I. I. Kaviaka

Belorussian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk

УДК [930(410:73):94(438:430)]

ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ПОЛЬШИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА

THE PROBLEM OF WESTERN POLISH BORDER IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE GERMAN QUESTION

Статья посвящена изучению основных подходов к анализу проблемы польско-германской границы, которые сформировались в англо-американской историографии. Определение и международное признание западной границы Польши являлось составной частью комплексного германского вопроса после Второй мировой войны. Автором установлены различия в подходах британских и американских исследователей к изучению проблемы, проведен их сравнительный анализ, определены основные этапы развития.

Ключевые слова: англо-американская историография, консервативное направление, школа «сдерживания», рационалистическое направление, либерализм, германский вопрос, линия Одер–Нейсе.

The article is devoted to the study of the main approaches formed in Anglo-American historiography to the Polish-German border problem. Defining and international recognition of Western Polish border was a part of complex German question after World War II. The author established differences in British and American historian approaches to studying the problem, held their comparative analysis and defined the main stages of their development.

Key words: Anglo-American historiography, conservative direction, «containment» school, rationalistic direction, liberalism, German question, Oder–Neisse line.

Среди различных аспектов германского вопроса послевоенного времени особое место занимала проблема границ, в частности, правового статуса польско-германской границы. Во второй половине XX – начале XXI вв. про-

исходили неоднократные изменения в подходах к анализу вопроса со стороны научного сообщества США и Великобритании. Наличие качественных изменений позволяет выделить несколько этапов в развитии заявленной проблемы: 1945–1960-е гг.; 1970-е–1980-е гг.; 1990-е–2000-е гг.

В политическом отношении период 1945–1970 гг. характеризовался юридическим непринятием линии Одер–Нейсе со стороны Великобритании и США. Страны Запада обвиняли СССР в нарушении Потсдамских договоренностей и придании польско-германской границе статуса постоянной до подписания мирного договора с Германией. В англо-американской историографии проблемы на данном этапе преобладал консервативный подход. В большей степени он был присущ американским исследователям, его представители разделяли основные принципы ревизионизма и сформировали школу «сдерживания» в историографии холодной войны.

Американский дипломат, сотрудник Управления стратегических служб в 1942–1947 гг. Аллен Даллес в статье «Альтернативы для Германии» (1947 г.) назвал вопрос польско-германской границы «гордиевым узлом территориальных проблем Европы». Он высказал предположение, что существенное расширение границ Польши в западном направлении может оказаться опасным. С одной стороны, Польша поставит себя в трудное положение в отношениях с Германией. С другой стороны, СССР сможет предложить Германии восстановление ее границ на востоке в обмен на переход в советский лагерь. Этот же инструмент Советский Союз сможет успешно использовать для осуществления контроля над польским правительством, постоянно напоминая о немецкой угрозе [8, с. 426].

С другой стороны, альтернативный анализ проблемы предлагали историки-рационалисты. Рационалистический подход сформировался в рамках британской школы изучения международных отношений и внешней политики. Идеино близкими к рационалистам являлись представители либерального направления американской историографии. Так, британский историк Джойс Маршалл в статье «Немецко-польская граница» (1950 г.) отмечал, что несмотря на достигнутые в Потсдаме договоренности, определенные мероприятия фактически превратили линию Одер–Нейсе из временной границы в постоянную. Среди них автор особо отметил кампанию по переселению этнических немцев из бывших восточных провинций третьего рейха. Отмечая тот факт, что в ноябре 1949 г. К. Рокоссовский заявил о готовности советских и польских войск при необходимости сражаться плечом к плечу, Дж. Маршалл пришел к выводу, что наиболее мудрым решением вопроса стало бы принятие реалий западными союзниками [17, с. 79].

В первой половине 1950-х гг. в связи с подготовкой к перевооружению ФРГ в англо-американской историографии наблюдалось дальнейшее укрепление консервативной традиции, представители которой указывали на временный характер линии Одер–Нейсе. Они также выражали опасения в связи с возможным сближением между ФРГ и СССР в случае уступчивости

советской стороны по вопросу границ. В 1953 г. американский исследователь, в прошлом советник президента Ф. Д. Рузвельта Джеймс Уорберг назвал самой большой опасностью для стран Запада очередную советско-германскую сделку за счет Польши [31, с. 254]. Автор считал необходимым вернуть в состав Германии восточные территории преимущественно аграрного характера. В противном случае, ФРГ будет вынуждена стать импортером сельскохозяйственной продукции и экспортером промышленных товаров, что превратит ее в конкурента Великобритании и США на мировых рынках [31, с. 255–256].

Со вступлением ФРГ в НАТО заметно усилились опасения польской стороны в связи с возможным возрождением немецкой угрозы. В 1955 г. было создано общество по связям с эмиграцией «Полония», главной задачей которого являлось установление контактов с польскими центрами за рубежом с целью поддержки «западных территорий» и противостояния пропаганде немецких «ревизионистов». В апреле 1957 г., выступая в посольстве ПНР, Н. С. Хрущев заявил, что любая попытка нарушить границу по линии Одер–Нейсе будет рассматриваться как угроза безопасности СССР. Исследователи отмечали, что однозначная позиция СССР по данному вопросу только укрепила советские позиции в Польше, поскольку Москва взяла на себя функцию единственного гаранта неприкосновенности границы [2, с. 523; 5, с. 52; 14, с. 103]. Опасения по поводу возможного сговора Бонна с Кремлем не утратили своей актуальности в консервативной среде даже после вступления ФРГ в НАТО. Это подтверждает публикация британского исследователя Питера Неттла, который назвал нерешенность вопроса о восточных границах одной из «потенциальных опухолей Европы, которая при определенном политическом климате и усилении немецкого национализма может стать злокачественной» [21, с. 175].

Второй Берлинский кризис и угроза столкновения сверхдержав способствовали выработке более гибкого курса в отношении германского вопроса в целом и вопроса о границах в частности. В 1959 г. линию по Одеру–Нейсе фактически признала Франция, а в 1962 г. Великобритания предоставила Польше секретные гарантии ее неприкосновенности. Под влиянием общего смещения международного климата в сторону разрядки произошло оживление рационалистической традиции. Американский исследователь Джон Кэмпбелл отмечал, что, с одной стороны, США не могли позволить себе допустить серьезного ухудшения отношений с ФРГ и пойти на официальное признание линии Одер–Нейсе. С другой стороны, страны Запада должны были стремиться поддерживать диалог с поляками по вопросу границы и постепенно способствовать смещению Восточной Европы в сторону «полицентричного коммунизма». Такая модель способствовала бы ослаблению позиций СССР и укреплению влияния Запада в социалистических странах [5, с. 55].

Британский историк Ричард Хискок отмечал, что территории восточнее

линии Одер–Нейсе де-факто уже давно стали частью польского государства. Исследователь выразил косвенную поддержку польской стороны, отмечая, что в трениях по вопросу границы «поляки продемонстрировали больше сдержанности и здравого смысла, чем немецкие ревизионисты». Автор пришел к выводу, что ни Польша, ни СССР не пойдут на пересмотр границы, которая стала реальностью [11, с. 492]. Солидарность с такой позицией выразил американский исследователь Джон Карч. Он отмечал, что экономика региона была включена в пятилетние планы развития, а ее долгосрочные экономические обзоры не предусматривали потерю территорий [14, с. 102].

В работах британских и американских исследователей 1960-х гг. все чаще встречается объяснение жесткой позиции ФРГ по вопросу границы Одер–Нейсе внутривосточной ситуацией в Западной Германии и необходимостью учитывать настроения «изгнанных», число которых достигало 25 % населения страны. Степень их влияния на избирателей нельзя было недооценивать. Горечь утраты территорий и национального поражения, требование пересмотра границ, обостренное чувство родины – все это исследователи относили к составным элементам нацизма, которые отчетливо просматривались в ментальности организаций «изгнанных» [4, с. 64; 5, с. 52; 14, с. 104; 15, с. 593]. Историко-рационалисты отмечали, что к моменту проведения Потсдамской конференции поляки уже заняли территорию восточнее линии Одер–Нейсе. Следовательно, все, что было сделано в Потсдаме, – это регистрация факта и отсрочка (курсив – авт.) его правового закрепления до подписания мирного договора. Потсдамская декларация, предусматривавшая массовое переселение этнических немцев, обозначила признание союзниками западной границы Польши если не де-юре, то де-факто [4, с. 63; 6, с. 456–457].

Подписание Московского и Варшавского договоров в 1970 г. и принятие ФРГ польско-германской границы существенно укрепило позиции рационалистов. Работы британских и американских авторов 1970-х–1980-х гг. содержали три характерных особенности: безоговорочно положительная оценка стабилизации ситуации вокруг границы; акцентирование внимания на неизбежности принятия реалий; указание на то, что признание границ не означало оказания уступки СССР в холодной войне [20, с. 31; 25, с. 216; 26, с. 559; 29, с. 301]. Историк Мартин Макколей (Школа славянских и восточноевропейских исследований, Лондонский университет) одним из первых признал, что соглашения Потсдама предполагали передачу территорий восточнее линии Одер–Нейсе Польше и СССР [19, с. 59]. Позднее сотрудник Университета Суррея Дуглас Рой также отметил, что формальный тезис Потсдама о решении вопроса на мирной конференции был продиктован простой необходимостью «соблюсти приличия» [24, с. 100]. Интересный анализ проблемы представлен в работах Тони Шарпа и Сары Терри (Университет Тафтса, США). Т. Шарп пришел к выводу, что окончательный выбор тройки великих держав в пользу передачи Польше восточ-

ных провинций рейха произошел еще в ходе Тегеранской (!) конференции, которая проходила в условиях военных побед советской армии и тяжелого положения союзных войск на североафриканском фронте. США и Великобритания, не имея в своем распоряжении убедительных военных побед, не смогли занять доминирующую позицию на дипломатическом поле [27, с. 389–391; 30, с. 356–358].

В 1970-е–1980-е гг. отдельные авторы впервые косвенно затронули тему национальных интересов Великобритании и США в решении проблемы западной границы Польши. Американский историк Вольфрам Ханридер указал на тот факт, что, несмотря на проявление солидарности с жестким курсом Бонна, западные державы не демонстрировали большого энтузиазма по вопросу германского единства. Поддерживая идею создания объединенной Германии лишь на словах, они понимали, что и вопрос пересмотра границ останется вне практической реализации [10, с. 52].

1990 год обозначил новый рубеж в развитии историографии проблемы. В течение года окончательный характер границы по линии Одер–Нейсе был закреплен на законодательном уровне в Польше и объединенной Германии. В связи с открытием архивов и введением в научный оборот значительного количества новых документов, а также стремительным изменением геополитической обстановки, вызванным окончанием холодной войны и распадом СССР, британские и американские авторы стали проводить более объективное и всестороннее изучение проблемы. В публикациях 1990-х–2000-х гг. окончательно закрепились тенденции к научному обоснованию законности границы по Одеру–Нейсе в послевоенной Европе. В работах отмечается однозначное принятие западными государствами новой польско-германской границы на конференции в Потсдаме и признается преимущественно манипуляционный характер последующих заявлений о ее временном характере [13, с. 275; 18, с. 119; 28, с. 22]. Профессор Университета Конкордии Дебра Аллен считает главным доказательством этой гипотезы договоренность союзников о депортации этнических немцев, поскольку «перемещение миллионов человек на временной основе представляется немыслимым» [1, с. 75]. Отдельные исследователи заявили о фактическом принятии западными странами новой польско-германской границы еще в ходе Тегеранской конференции [10, с. 43; 28, с. 8–9]. Тем самым они поддержали Т. Шарпа, который пришел к аналогичным выводам еще в конце 1970-х гг.

Последующие манипуляции на дипломатическом поле авторы объясняют сугубо прагматическими соображениями Запада в ходе холодной войны. Двусмысленная позиция по вопросу западной границы Польши превратила западную тройку держав в адвокатов германского единства и позволила успешно реализовать проекты по созданию отдельного западногерманского государства и его вовлечению в интеграционные структуры [12, с. 9–12; 13, с. 277; 28, с. 16]. Вместе с тем авторы признают, что союзники не были готовы идти на силовое решение проблемы. Профессор Калифорнийского

университета Уильям Смайсер и профессор Университета Аберистуит Джеральд Хьюджз отмечают, что в период второго Берлинского кризиса США и Великобритания обсуждали возможность признания ГДР и границы по Одеру–Нейсе де-факто в обмен на гарантии сохранения своего присутствия в Берлине; соответствующие предложения были направлены в Москву. Такая политика руководства западных государств находит однозначно положительную оценку в работах историков-рационалистов и характеризуется как реалистичная и дальновидная [13, с. 288; 28, с. 178–179].

Варшавский договор 1970 г. рассматривается историками-рационалистами как документ, урегулировавший пограничный вопрос между Польшей и ФРГ. С точки зрения международного права, окончательно этот вопрос должен был разрешиться с подписанием мирного договора. Однако политически Варшавский договор обозначил отказ ФРГ от территориальных претензий на востоке [3, с. 63; 28, с. 243]. В связи с этим в работах 1990-х–2000-х гг. однозначно негативная оценка дана двусмысленной позиции канцлера Г. Коля по вопросу границы в период объединения Германии. Представители рационалистической традиции едины во мнении, что заявления канцлера создали серьезную проблему на пути германского урегулирования и нанесли ущерб репутации правительства ФРГ как внутри страны, так и за ее пределами, оказав неблагоприятное воздействие на дальнейшее развитие польско-германских отношений. Последователи школы «сдерживания» объясняют поведение канцлера непростой внутривнутриполитической ситуацией в ФРГ, активностью правых сил, их влиянием на предстоявшую избирательную кампанию. Консерваторы подчеркивают, что у Г. Коля никогда не было серьезных намерений добиться пересмотра границ, и он выражал полную готовность обсуждать все проблемные вопросы с польской стороной [7, с. 390; 9, с. 122; 16, с. 266].

Консервативная традиция англо-американской историографии проблемы заметно ослабила свои позиции после 1990 г. В определенной мере она нашла отражение в работах профессора Калифорнийского государственного университета Ричарда Рака. По его мнению, установление западной границы Польши стало результатом односторонних действий Сталина, который санкционировал добровольно-принудительный исход немцев и, воспользовавшись мягкой позицией Черчилля и Рузвельта в ходе Тегеранской и Ялтинской конференции, превратил предварительное соглашение в *fait accompli* [22, с. 466, 476, 478]. Анализируя источники, которые стали доступны в конце 1980-х гг., автор приходит к выводу, что Сталин сыграл главную роль в подрыве антигитлеровской коалиции и развязывании холодной войны, фактически обманув союзников по вопросу западной границы Польши [22, с. 479].

Подводя итоги, следует отметить, что англо-американская историография проблемы западной границы Польши является составной частью исто-

риографии германского вопроса в целом. Во второй половине XX – начале XXI вв. она развивалась, главным образом, в рамках двух подходов – консервативного (школа «сдерживания») и рационалистического (либерально-го). Последователи консервативного направления занимали обвинительную позицию по отношению к СССР, осуждали мероприятия советской стороны по созданию сферы влияния в Восточной Европе и ставили под сомнение окончательный характер границы по линии Одер–Нейсе, не исключая возможность ее пересмотра в будущем. Консервативное направление преобладало в историографии проблемы вплоть до рубежа 1960-х–1970-х гг.

Вместе с тем с началом процесса разрядки произошло оживление рационалистической традиции, которая заметно укрепила свои позиции после подписания Московского и Варшавского договоров в 1970 г. Историки-рационалисты призывали учитывать сложившиеся реалии, указывали на фактическое принятие США и Великобританией линии Одер–Нейсе в ходе Потсдамской конференции и считали любые идеи пересмотра границ в Европе потенциально опасными для всей послевоенной системы международных отношений.

Объединение Германии и заключение пограничных соглашений ФРГ с Польшей в 1990 г. окончательно разрешило проблему, утвердив примат рационалистического подхода к ее анализу. Консервативная традиция продолжила свое существование в работах отдельных авторов. Ее проявление свелось, главным образом, к критике *modus operandi* советской стороны при определении западной границы Польши на заключительном этапе Второй мировой войны.

Список использованных источников

1. *Allen, D.* An Unacknowledged Consensus: Polish American Views about the Oder-Niese Line during the Truman Administration [Electronic resource] / D. Allen // *Polish American Studies*. – 2000. – Vol. 57. – № 1. – P. 73-83. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/20148581>. – Date of access: 15 August 2018.
2. *Ascherson, N.* Poland's Place in Europe / N. Ascherson // *The World Today*. – 1969. – Vol. 25. – № 12. – P. 520–529.
3. *Banchoff, T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / T. Banchoff. – Michigan : The University of Michigan, 1999. – 230 p.
4. *Boxer, C.* German Christians and Germany's Boundaries / C. Boxer // *New Blackfriars*. – 1966. – Vol. 48. – № 558. – P. 60–73.
5. *Campbell, J. C.* Poland's international position since 1956 / J. C. Campbell // *The Polish Review*. – 1959. – Vol. 4. – № 3. – P. 45–55.
6. *Cecil, R.* Potsdam and its legends / R. Cecil // *International Affairs*. – 1970. – Vol. 46. – № 3. – P. 455–465.
7. *Croan, M.* Germany and Eastern Europe / M. Croan // *The Columbia history of Eastern Europe in the twentieth century* / Ed. by J. Held. – New York: Columbia University, 1992. – P. 345–393.
8. *Dulles, A. W.* Alternatives for Germany / A. W. Dulles // *Foreign Affairs*. – 1947. – Vol. 25. – № 3. – P. 421–432.
9. *Griffith, W.* American views on the German question / W. Griffith // *Auf der Suche nach*

der Gestalt Europas / Hsg. von J. Thies G. van Well. – Bonn : Internationale Politik, 1990. – P. 115–123.

10. *Hanrieder, W. F.* The foreign policies of West Germany, France and Britain / W. Hanrieder, A. Graeme. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1980. – 314 p.

11. *Hiscocks, R.* Progress East of the Oder-Neisse: Recent Developments in the Polish Western Territories [Electronic resource] / R. Hiscocks // *The World Today*. – 1960. – Vol. 16. – № 11. – P. 491–500. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/40393951>. – Date of access: 15 August 2018.

12. *Hughes, G.* Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949–1967 / G. Hughes. – London; New York : Routledge, 2007. – 253 p.

13. *Hughes, R. G.* Unfinished business from Potsdam: Britain, West Germany and Oder-Neisse line, 1945–1962 / R. G. Hughes // *International History Review*. – 2005. – № 27(2). – P. 259–294

14. *Karch, J.* Oder-Neisse: Anachronism of World War II [Electronic resource] / J. Karch // *World Affairs*. – 1960. – Vol. 123. – № 4. – P. 102–104. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/20669917>. – Date of access: 15 August 2018.

15. *Lewis, F.* The unstable states of Germany / F. Lewis // *Foreign Affairs*. – 1960. – Vol. 38. – № 4. – P. 588–597.

16. *Maier, C. S.* Dissolution: the crisis of communism and the end of East Germany / C. S. Maier. – Princeton: Princeton University, 1997. – 440 p.

17. *Marshall, J.* The German-Polish boundary [Electronic resource] / J. Marshall // *Columbia Journal of International Affairs*. – 1950. – Vol. 4. – № 2. – P. 77–79. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/24354480>. – Date of access: 15 August 2018.

18. *McAllister, J.* No exit: America and the German problem, 1943–1954 / J. McAllister. – Ithaca; London: Cornell University, 2002. – 283 p.

19. *McCauley, M.* East Germany / M. McCauley // *Communist power in Europe, 1944–1949* / Ed. by M. McCauley. – London: Macmillan, 1977. – P. 58–74.

20. *Morgan, R.* 54: West Germany's foreign policy agenda / R. Morgan // *The Washington papers*. – Vol. VI. – London: Sage, 1978. – 79 p.

21. *Nettl, J. P.* A decade of post-war Germany / J. P. Nettl // *Political Quarterly*. – 1956. – Vol. 27. – № 2. – P. 162–175.

22. *Raack, R. C.* Stalin fixes the Oder–Neise line [Electronic resource] / R. C. Raack // *Journal of Contemporary History*. – 1990. – Vol. 25. – № 4. – P. 467–488. – Mode of access: <http://www.jstor.org/stable/260758>. – Date of access: 15 August 2018

23. *Roberts, G.* Stalin's wars. From World War to cold war, 1939–1953 / G. Roberts. – New Haven and London: Yale University Press, 2006. – 468 p.

24. *Roy, D.* From war to cold war, 1943–1948 / D. Roy. – New York: St. Martin's Press, 1981. – 224 p.

25. *Russell, F.* A concise history of Germany / F. Russell. – London : Cassel, 1973. – 224 p.

26. *Ryder, A.J.* Twentieth century Germany: from Bismarck to Brandt / A. J. Ryder. – New York: Columbia University, 1973. – 656 p.

27. *Sharp, T.* The Origins of the «Teheran Formula» on Polish Frontiers / T. Sharp // *Journal of Contemporary History*. – 1977. – Vol. 12. – № 2. – P. 381–393.

28. *Smyser, W.* From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / W. Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

29. *Steele, J.* How the West Does Not Serve Poland / J. Steele // *Third World Quarterly*. – 1982. – Vol. 4. – № 2. – P. 298–303.

30. *Terry, S.* Poland's place in Europe: General Sikorski and the origin of the Oder–Neisse line, 1939–1943 / S. Terry. – Princeton: Princeton University, 1983. – 394 p.

31. *Warburg, J.* Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 1953. – 344 p.

(Дата подачи: 26.02.2019 г.)

К. И. Козлова

Белорусский государственный университет, Институт теологии
имени св. Мефодия и Кирилла

K. I. Kozlova

Belarusian State University, Institute of Theology

УДК 94(476)

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОЛОЦКАЯ ЕПАРХИЯ

X – НАЧАЛА XVI в.

ORTHODOX DIOCESE OF POLOTSK

X – THE BEGINNING OF THE XVI CENTURY

Статья посвящена рассмотрению истории православной Полоцкой епархии на протяжении X–нач. XVI вв. На основании имеющегося материала источников воссоздается ее территория и структура, а также отношения Полоцких иерархов с Киевскими митрополитами и великокняжеской властью.

Ключевые слова: Полоцкая земля; христианство; православие; Полоцкая епархия; Полоцкие епископы.

The article is deals with the issue of the process of emergence, formation and existence of the Polotsk diocese for the X - beginning XVIth century. Based on the available material of the sources, its territory and structure are reconstructed, as well as the relations of the Polotsk hierarchs with the Kiev metropolitans and the grand prince's power.

Key words: Polotsk land; Christianity; Orthodoxy; Polotsk Diocese; Polotsk bishops.

Полоцкая епархия считается одной из старейших на Руси. Хотя в летописях нет определенных сведений относительно территории Полоцкой епархии, можно предположить, что в начале своего существования она ограничивалась Полоцкой землей, поскольку в соседних с ней землях, Туровской и Смоленской, были свои епископы. Также, возможно к ведению Полоцкого епископа относились и Полоцкие владения по нижнему течению Западной Двины [1, с. 235]. Маловероятным представляется, чтобы столь обширные территории, политически подчиненные Полоцку, не зависели от него и в церковном отношении, поскольку там тоже существовало немалочис-